

УДК 903`14:903 `5.603

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ СИНТАШТИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

©2008 О.Д.Мочалов

Самарский государственный педагогический университет
Институт истории и археологии Поволжья

В статье рассматривается современное состояние изучения происхождения памятников синташтинской культуры. На основе анализа историографии данной проблемы автор приходит к выводу о значительном южном влиянии Кавказа и Средней Азии на появление многих признаков синташтинской керамики, связанных, в первую очередь, с особыми формами сосудов и деталями орнамента. Определенное влияние на орнамент синташтинской керамики оказывали и северо-западные культуры типа "фатьяново-баланово" (шахматный декор и т.д.). Преждевременным представляется выведение синташтинских типов посуды только из абашевских и катакомбных типов. В данном случае эффект некой близости мог быть и результатом обратного влияния мощной "синташты" на другие распадающиеся общности. При этом некоторые технологические признаки синташтинского гончарства, как и орнаментальные, вполне выводимы с Урала и сопредельных территорий; из культур финального энеолита – ранней бронзы, но вопрос о происхождении форм более сложный. В настоящее время проблема происхождения синташтинской культуры, как в целом, так и ее искусства керамики, остается актуальной и открывает новые возможности для ее решения. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-91100 а/У "Этнокультурные связи степного населения в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья".

В виду больших интерпретационных возможностей керамического инвентаря, проблема формирования керамического комплекса памятников синташтинского круга характеризуется особой актуальностью. Несмотря на то, что керамике памятников данного типа, в отличие от погребального обряда, укрепленных поселений, посвящено не так уж много специальных работ, означенное направление уже имеет свою историографию.

В 70-х годах XX века в публикации материалов Новокумакского могильника были намечены аналогии керамики в западных степных и лесостепных культурах – катакомбной, КМК и полтавкинской (А.М.Смирнов, Е.Е.Кузьмина) [20]. По сути, это положило начало поиску западных прототипов синташтинской керамики, позднее продолженное в работах большинства исследователей: Г.Б.Здановича, Д.Г.Здановича, Т.С.Малютиной, Н.Б.Виноградова, И.Б.Васильева, П.Ф.Кузнецова, А.П.Семеновой, В.С.Горбунова, А.Д.Пряхина, О.В.Кузьминой, Т.М.Потемкиной, В.В.Ткачев, М.В.Халыпина. Из данного направления целесообразно выделить сторонников степного импульса, связанного с влиянием полтавкинских и катакомбных традиций и сторонников ее абашевского происхождения. Некоторые авторы склонны видеть в синташтинской керамике черты, как степных

культур так и лесной / лесостепной абашевской культуры. Особое историографическое направление связано с точкой зрения о наличии в синташтинской керамике местной зауральской и западной основ. В.Н.Логвин считает, что орнаментальные традиции энеолитической терсекско-ботайской общности культур геометрической керамики Зауралья и Северного Казахстана оказали влияние на синташтинский орнамент, а формы сосудов имеют западное происхождение [12, С.88 – 96]. В то же время, другой исследователь энеолитической керамики региона В.М.Мосин не фиксирует прямого влияния местных культур позднего энеолита [13]. Особой точки зрения придерживается С.А.Григорьев, выделивший прототипы некоторых синташтинских типов в Закавказье и в Передней Азии [6]. В.В.Ткачев и А.И.Хаванский рассматривают синташтинскую керамику как модификацию позднекатакомбных и абашевских гончарных традиций [22]. Таким образом, в подходе к решению проблемы наметились две противоположные тенденции, с одной стороны, связывать происхождение синташтинской керамики с конкретной культурой, в основном, с абашевской (В.С.Горбунов, О.В.Кузьмина), с другой стороны с традициями абсолютно различных и порой не связанных культур. В связи с последним замечанием следует отметить по-

пытку связать некоторые синташтинские типы с ямной культурой. Таким образом, в качестве истоков синташтинских керамических традиций рассматриваются почти все известные культуры Доно – Урало – Иртышского междуречья, не говоря уже о более дальних территориях. Но в большинстве случаев данные положения не подкреплены иллюстрациями реальных керамических аналогий или приводимые аналогии не выглядят таковыми.

Нет четкости и в представлении о хронологическом соотношении сравниваемых культур. Это усугубляется стремлением выделить в "синташте", и без того занимающей узкую хронологическую нишу, как минимум два этапа. Но и здесь необходимо оговориться о некоторой условности выделения керамики с более ранними (культур среднего бронзового века) и более поздними чертами (культур поздней бронзы). Фиксируется тенденция планиграфически разного расположения керамики раннеалакульского / раннесрубного облика и классической синташтинской посуды в погребальных памятниках. Однако различны они хронологически или отражают социальные или культурные особенности? Данный подход, безусловно, имеет основания, базирующиеся на определенном типологическом отличии между комплексами и внутри них. Естественно, речь о формировании основы комплекса и о ранних контактах, в этом случае, может вестись только относительно первого этапа. Поэтому керамика "поздней синташты" в данной работе не рассматривалась.

В статье намеренно затрагиваются наиболее дискуссионные вопросы сложения синташтинских керамических комплексов, требующие, на мой взгляд, дополнительного внимания со стороны исследователей. Это проблема дальних связей, истоков технологических традиций, которые в литературе пока получили минимальное освещение. Однако намеренно не рассматриваются или рассматриваются вскользь полтавкинские, елочные, абашевские истоки "синташты", которые признаны большинством исследователей. Вызывает вопросы только значимость вклада этих культур в становление новой группы памятников.

Морфология форм синташтинской керамики свидетельствует, с одной стороны, о тенденции к стандартизации ее производства. Это подтверждает наличие преобладающего типа

сосудов с ребром или максимальным расширением в верхней части профиля и отогнутым венчиком. С другой стороны, особенности морфологии говорят о значительной функциональной специализации, так как типы разнообразны и имеются индивидуальные формы [22, С.116 – 117].

Имеющиеся о технологии синташтинского керамического производства [7, С.132 – 135] данные свидетельствуют о значительной роли восточных урало-сибирских и североказахстанских традиций формовки сосудов и примесей. Это подтверждает преобладание рецептов с примесью талька, известных с энеолита [13]. Керамика с тальковой примесью известна в степном Приуралье уже в памятниках ранней – средней бронзы (Ефимовский IV, к.1; Изобильное I, [1, С.174]. Для Зауралья не характерна искусственная примесь раковины, типичная для восточноевропейских культур энеолита – средней бронзы, и в частности для керамики потаповского типа Заволжья (Н.П.Салугина), [18, С.173 – 186]. Важно, что в синташтинских памятниках Приуралья примесь раковины фиксируется значительно чаще. Использование текстиля, форм-основ для изготовления керамики также скорее относится к зауральской, западно-сибирской и североказахстанской традициям. Хотя данные о характере использовании текстиля и форм-основ в энеолите означенных территорий порой лакунарны и дискуссионны, тем не менее, в настоящее время иные источники формирования этих традиций достоверно не известны (Н.Б.Виноградов, М.А.Мухина) [2, С.82 – 83]; (И.Л.Чернай), [23, С. 93 – 110]; [5, С.98 – 99]. Одни из самых ранних сосудов со следами шаблона отмечены И.Г.Глушковым в памятниках гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла в междуречье Иртыша и Демьянки (Рыбный Сор, Тух Сигат IV) [5, С.98 – 99]. Сосуды, сделанные на форме-основе, присутствуют и в ямно-полтавкинских памятниках Приуралья – Тамар – Уткуль VIII, к.1, п.1, 2, которые, по замечанию Н.П.Салугиной, видимо, отражают традиции разных групп населения, [17, С. 24 – 27]. Таким образом, в эпоху энеолита – ранней бронзы сосуды, сделанные на форме основе и форме-емкости фиксируются от Южного Приуралья и Поволжья до Западной Сибири. В синташтинских памятниках керамика, сделанная на форме-основе, составляет 96% от общего числа сосудов

(А.И.Гутков) [7, С.132 – 135]. Лощение как внутренней, так и внешней поверхности сосудов на влажной основе также характерно для синташты, энеолитических Зауральских и позднеямных комплексов Приуралья. Данные положения подтверждает и факт традиции ремонта сосуда металлическими скобками. По данным А.И.Гуткова, проанализировавшего эти сосуды с эпохи неолита, данная традиция характерна для зауральского и северо-прикаспийского регионов, а следовательно, также имеет местную основу [7, С.170 – 187]. По сути, в эпоху бронзы ремонт сосудов металлическими сквозными скобками являлся хронологическим индикатором конца среднего – начала позднего бронзового века. Таким образом, не имеет смысла выводить многие технологические, наиболее консервативные традиции "синташты" из каких-либо отдаленных западных и юго-западных территорий. Истоки свои они находят в Южном Зауралье и соседних территориях.

В отличие от технологии, внешние особенности керамики, на мой взгляд, свидетельствуют о пересечении традиций степных культур пограничья Европы и Азии (от Дона до Тобола) с южным импульсом, который отразился в морфологии и орнаментике некоторых сосудов (О.Д.Мочалов) [14, С.54 – 76]; [15, С.123 – 135]. Прямых аналогов южной керамики почти нет. Однако наличие кубковидных форм на поддоне, особых орнаментов и деталей оформления, не характерных для восточноевропейских и сибирских культур указывают на связь с культурами средней бронзы Кавказа и Средней Азии. Для лесной зоны кубковидные формы на поддоне не характерны, они имели широчайшее распространение на южных территориях. Самые многочисленные свидетельства этих связей относятся к развитому этапу позднего бронзового века (Н.Б.Виноградов) [3, С.71 – 74]; (А.Я.Щетенко) [24, С.262 – 263]; (Е.Е.Кузьмина) [10], (Н.М.Виноградова) [4], но начались они, безусловно, раньше. Кроме форм кубковидных сосудов были заимствованы, а затем модифицированы рельефные орнаменты в виде имитации рядов ручек на горловине (триалетская культура Южного Кавказа), шишечки на тулове (северокавказская общность) и ряд менее значительных орнаментов культур Кавказа. Керамика классических катакомбных культур, изученная нами в археологических фондах

Киева, Одессы и Воронежа и других научных центров едва ли может рассматриваться как бесспорный источник модификации, т.к. кубковидные сосуды, ручки и ушки там имеют иное содержание, связанное с более западными восточноевропейскими культурами и с культурами Кавказа. В этом отношении позволим себе не согласиться с мнением орских коллег В.В.Ткачева и А.И.Хаванского, считающих катакомбную культуру источником данных особенностей. Очень близки и формы неорнаментированных миниатюрных острореберных сосудов, известные на Кавказе с позднемайкопского времени, а также в Передней Азии. Однако эта форма (абашевская) и изучение ее не входит в задачи статьи. В указанных случаях о миграциях крупных коллективов, носителях традиций, речи идти не может. Нет в нашем распоряжении и надежных антропологических доказательств. Южные импульсы скорее имели характер инфильтрации, подражания, проникновения отдельных индивидов или небольших групп. Причем, направление влияний, при преобладании южных более прогрессивных импульсов, не исключает и обратного менее ошутимого воздействия из степей на юг, которое получило развитие в позднем бронзовом веке (находки алакульской, срубной и федоровской посуды в Средней Азии). От дальних южных территорий Южный Урал был отделен массивами скотоводческого населения степей, что сыграло определенную роль в видоизменении источников заимствований, их адаптации к местным нуждам и функциям.

Что касается культур лесной и севера лесостепной зон (абашевских, фатьяновской и др.), то их влияние, отразившееся в отдельных орнаментальных сюжетах (шахматный орнамент – фатьяново – абашево – синташта) и формах (миниатюрные острореберные, колоковидные – абашево), представляется вторичным, и обусловлено оно, в первую очередь, хронологической близостью и проникновением населения с северо-западных земель. Колоковидная посуда едва ли может считаться эксклюзивно абашевским признаком. Обильная примесь раковины, типичная для абашевской керамики, не характерна для сосудов синташтинских памятников Зауралья. Собственно абашевских (а не с отдельными абашевскими чертами) сосудов в синташтинских памятниках не так уж много. В основном, это уже видоиз-

менные миниатюрные остросеребряные сосуды. В единичных случаях встречается керамика с уплощенным дном. По моим наблюдениям, абашевские признаки на керамике Потаповского типа Поволжья выражены не менее ярко, чем в синташтинской. И это не удивительно, т.к. потаповские памятники географически занимают промежуточное положение между всеми культурами абашевской общности, а синташтинские граничат только с Приуральской абашевской культурой. Поздняя абашевская керамика приобретает синташтинские черты, что свидетельствует скорее об усиленном влиянии поздней, а не наоборот. Проявляется это в таких специфических признаках, как примесь талька (Юкалекулево, к.4, п.2, Ибрагимово III); сосуды, отремонтированные металлическими скобками (Никифоровское лесничество, п.5; Красногорский III, к.9; Нурдавлево, к.2). Абашевская керамика утрачивает классический облик: постепенно исчезает колоколовидность, беднеет орнаментация, формы становятся более асимметричными, реже встречается внутреннее ребро, увеличивается число сосудов с ребром в верхней трети профиля и четко выделенным дном. В лесостепном Приуралье, на "абашевской территории", известны и типично синташтинско-потаповские сосуды (Ахмерово II; Альмухаметово I; Никифоровское лесничество, п.8; Нурдавлево, к.2). В Приуралье и Зауралье появляются комплексы и синкретической абашевско-синташтинской посуды (Белозерка I, Баишево IV, VIII; Ибрагимово III; Нурдавлево, Красногорский III).

Дискуссионен и характер связей с катакомбными культурами, особенно положение о сильном позднекатакомбном влиянии на синташтинскую керамику. Сторонники данной точки зрения пока не продемонстрировали всего спектра аналогий. Неясность, главным образом, вносит терминологическая путаница, какие памятники считать катакомбными, какие полтавкинскими, смешанными или особыми волго-донскими "елочными". Эта путаница, безусловно, вызвана тем, что мы имеем дело с процессами интенсивного смешения традиций разных этно-социальных групп, одним из центров которых оказалось Волго-Донское междуречье. Вообще, исследователи культур всех ландшафтных зон Восточной Европы и Кавказа отмечают изменение и расширение культурных ареалов во второй половине среднего бронзово-

го века. В этом случае речь о жестких культурных стереотипах идти уже не может. Поэтому не совсем ясно, почему именно катакомбные, а не южные кавказские, предкавказские культуры, позднеполтавкинские группы рассматриваются в качестве первичного очага появления соответствующих типов керамики. Работ, последовательно доказывающих, что катакомбные культуры были очагом появления керамических инноваций, мне не известно (О.Д.Мочалов) [16, С.162 – 170]. Ведущая форма синташты – керамика с ребром в верхней трети профиля, отогнутым венчиком, небольшим дном имеет совершенно "некатакомбную" географию распространения, ее ранние экземпляры известны в новотиторовской культуре, поздне трипольских памятниках и т.д.

Применительно к сложению синташтинских памятников речь также идет о "позднекатакомбной" приуральской группе с сосудами, имеющими уступ в верхней части, широкое тулово, короткую шею, орнаментированную в основном треугольными вариациями в верхней части или елкой по тулову или сосудами реповидной формы [21, С.37 – 66]. Данные типы керамики, кроме реповидных сосудов, имели крайне широкое распространение в среднем бронзовом веке, они культурно нейтральны. Елочная керамика с широким туловом известна от Северного Кавказа до лесных районов и встречается по всей степной и лесостепной полосе в различных культурах. Керамика с расширенным туловом, орнаментированная треугольниками в верхней части, распространена не менее широко, нет ее только в лесной зоне. Ее катакомбные аналогии нельзя назвать прямыми, они отличаются по технике орнаментации (более рельефны), пропорциям фигур.

Культурные влияния совершенно по-разному могли отражаться в категориях инвентаря. Если мы говорим о влиянии металла, погребального обряда, это не значит, что керамические или иные традиции должны строго им соответствовать. Керамика, сопоставляемая с катакомбной, находит аналогии в полтавкинской культуре и в близких ей памятниках погребений с елочной керамикой, что признается и некоторыми исследователями катакомбных древностей (А.М.Смирнов) [19]; (А.В.Кияшко) [9]. Типично катакомбные сосуды на Южном Урале реально исчисляются 2 – 3-мя экземплярами. Даже априорно признавая всю "мощь"

катакомбного воздействия, речь может идти об отдельных признаках. Классических катакомбных форм-курильниц, воронок, ритуальных миниатюрных биконических, кувшинообразных, раструбовидных донецких кубков на поддоне, с концентрическими кругами и завитками, кроме отдельных реповидных форм, не представленных, кстати, в синташтинских памятниках, на Южном Урале нет. Эти формы и орнаменты отражают не только чужеродные функции, но и иное эстетическое восприятие, представление о пропорциях, а следовательно, не были адаптированы в местной среде. С уверенностью можно говорить о совершенно естественном проникновении некоторых катакомбных, в первую очередь более мобильных орнаментальных традиций, которые серьезного влияния на облик синташтинских сосудов не оказали. Подобное вполне объяснимо, т.к. катакомбные племена в это время уже сами подвергались ассимилятивным процессам, и прежде чем достичь Южного Урала, они должны были донести свою культуру через массивы скотоводческих племен других культур (полтавкнской – волго-донской).

По орнаментации сосуды, орнаментированные елкой и геометрическими фигурами, находят ближайшие аналогии в среднедонской катакомбной культуре развитого этапа. Этот факт в той же мере может свидетельствовать о влиянии синташты и потаповки на западные районы. Вопрос только в хронологическом приоритете, который, к сожалению, пока детально установить сложно. Близки и некоторые орнаменты из полукругов, фестонов, характерные для культур Донно-Донецкого региона. Проблема связи со Среднедонской катакомбной культурой требует дальнейшей разработки. Пока мы ограничиваемся констатацией орнаментальной близости, структуры композиций, учитывая, что техника нанесения орнамента, стиль и формы сосудов очень различны.

Сложные геометрические и меандровые фигуры, уточки, пирамидки, скорее всего, имеют местные пережиточноэнеолитические корни (В.С.Мосин) [13, С.81 – 104]. Дальние средиземноморские, балканские аналогии в качестве источников едва ли могут рассматриваться. Видимо, механизм их передачи близок передаче технологических традиций. Доживали ли энеолитические племена до конца средней бронзы? Не известно. Некоторые, возможно, да.

Но мы не знаем и иной посреднической культуры, через которую эти традиции могли бы передаваться. Абашевская керамика всем набором технологических (тальк, форма-основа) и орнаментальных (уточка, пирамидки) признаков не обладает. Сосуды с энеолитоидным орнаментом известны в Синташтинском могильнике (С II, п.1), Каменный Амбар V, к.2, п.17; Большекараганский, к.25, п.17; и в Приуралье в могильнике Танаберген II, к.7. Известны и единичные случаи нахождения круглодонных форм (Большекараганский, к.25, п.4; Кривое озеро, к.10, п.5).

В заключение необходимо отметить, что проведенные статистический и содержательный анализ синташтинской и потаповской керамики показали, что керамические комплексы различных могильников культурно не монолитны и часто неоднородны (П.Ф.Кузнецов, О.Д.Мочалов) [11, С. 266 – 273]. Это подтверждается тем, что степень близости керамики отдельных памятников синташты и потаповки между собой бывает выше, чем степень близости внутри этих групп. Существенны отличия и керамики Приуралья и Зауралья. Каждый памятник отражает особенности своего происхождения, возможно, особую хронологическую позицию, а следовательно, керамика может демонстрировать различную степень влияния других культур. Общие черты комплексов, видимо, и выработались в результате процессов культурогенеза.

Таким образом, синташтинский керамический комплекс формировался в результате процессов сложного взаимодействия населения. Судя по разнообразию типов, некоторые традиции уже могли быть привнесены в смешанном состоянии. Традиции состава примесей и формообразования в целом могли складываться на местной основе, не выходящей за пределы сопредельных с Южным Уралом территорий. Но, к сожалению, окончательные выводы в отношении технологии делать преждевременно, поскольку керамика не всех культур, сравниваемых с "синташтой" изучена технологически. Местными являются и некоторые орнаментальные традиции "гребенчатого геометрзма" (меандры, сложные фигуры и т.д.), которые могли передаваться от пережиточноэнеолитических племен как напрямую, так и через абашевскую культуру. Однако формы сосудов, многие орнаментальные мотивы и сам принцип

построения декора с местным населением, видимо, не связаны. Значительное влияние на формы сосудов и часть орнаментов оказали связи с Кавказом и Средней Азией на юге, которые, возможно, и явились катализатором изменений. Важное значение имело проникновение на восток, до Зауралья, населения степей Доно-Уральского региона, в первую очередь относящееся к памятникам полтавкинской культуры, предкавказских культур и близким им типам, во вторую очередь – катакомбное, само испытывавшее влияние Волго-Уралья. Соседство с абашевским населением привело к заимствованию ряда черт лесных культур, однако, в итоге, значительным стало и влияние синташты на южноуральское абашево. Общая тенденция не исключала особых вариантов формирования некоторых синташтинских комплексов и типов сосудов. Внешнее сходство с керамикой восточноевропейских культур не всегда могло быть обусловлено только этнической близостью, но и одинаковыми функциями сосудов, используемых в обществах с идентичными или очень близкими хозяйственно-культурными типами.

Представляется, что данные процессы характерны и для потаповских керамических комплексов, которые были исторически тесно связаны с Южным Уралом, отражая постоянный процесс взаимодействия родственного населения. Однако в их сложении южные связи фиксируются слабее, чем в синташте, а Доно-Волго-Уральский компонент представлен более ярко. Нельзя исключать и определенного обратного воздействия "синташты" на южные территории. Таковым в настоящее время представляется состояние дискуссии о происхождении керамики синташтинских памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Богданов С.В.* Эпоха меди степного Приуралья. – Оренбург: 2003.
2. *Виноградов Н.Б., Мухина М.А.* Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности среднего Поволжья. – Куйбышев: 1985.
3. *Виноградов Н.Б.* Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Матер. конф. – Саратов: 1995.
4. *Виноградова Н.М.* Юго-западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М.: 2004.
5. *Глушков И.Г.* Керамика как археологический источник. – Новосибирск: 1996.
6. *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: 1999.
7. *Гутков А.И.* О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий. – Челябинск: 2000.
8. *Гутков А.И.* Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Культуры энеолита-бронзы степной Евразии. – Челябинск: 1995.
9. *Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград: 2002.
10. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? – М.: 1994
11. *Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. – Самара: 2001.
12. *Логвин В.Н.* К проблеме становления синташтинско-потаповских древностей // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Культуры энеолита-бронзы степной Евразии. – Челябинск: 1995.
13. *Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: 2003
14. *Мочалов О.Д.* О происхождении некоторых особенностей керамики эпохи средней бронзы Волго-Уралья и Зауралья (к постановке проблемы) // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. Вып.1. Самарский государственный педагогический университет. – Самара: 1996.
15. *Мочалов О.Д.* Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА, – 2004. – №2.
16. *Мочалов О.Д.* Дальние связи Южного Урала в эпоху бронзы: керамический аспект проблемы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Мат. конф. – Уфа: 2007.
17. *Салугина Н.П.* Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: 1999.
18. *Салугина Н.П.* Технологическое исследование керамики потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: 1994.
19. *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М.: 1996.
20. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: 1977.
21. *Ткачев В.В.* О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Крала. – Орск: 2000.
22. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. – Орск – Самара: 2006.
23. *Чернай И.Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзо-

вый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: 1985.

24. *Щетенко А.Я.* Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами

степной бронзы Евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Мат. конф. – Ижевск: 2000.

THE DEBATABLE QUESTIONS OF THE ORIGIN OF THE SINTASHTA CERAMIC TRADITIONS: PRESENT STATE OF THE PROBLEM

© 2008 O.D.Mochalov

Samara State Pedagogical University
Institute of History and Archaeology of the Volga Region

The Sintashta culture, one of the famous and richest cultures of Northern Eurasia, was located in the southern steppe Ural during the transitional period between the Middle Bronze Age and Late Bronze Age. Many scholars consider this culture to be the center of the LBA culture genesis in South Eastern Europe. Ceramic reflects multi-component base of pottery traditions including local elements and some external impact. Meanwhile ceramic had certain standard got in the process of changes. Local base is very insignificant and represented by some technological traits and ornamental motives transited from the Late Eneolithic tribes of the Ural and adjoining territories. Many shapes and ornaments have East European MBA origin – the steppe Volga region (the Poltavka culture) and forest-steppe (the Abashevo culture). Links from the Dnieper catacomb areas to the Volga were sporadic but reciprocal and played role generally only in decor. Some ornament traits let us link the Sintashta with the north-west forest Fatyanovo culture. At present the study of the links with far south regions of the Caucasus, Transcaucasus and Middle Asia has real perspectives. The South Ural and mentioned regions were connected before. In the Early Bronze Age the ceramic of the Pit-grave culture (the Volga-Ural interfluves) is known in Zarevshan area of Middle Asia. Constructively difficult Sintashta shapes (beaker-like with separated flat bottom) and specific ornaments are distributed only in southern territories. It means that Sintashta cattle-keepers had links with southern agricultural and other population and it made serious and progressive impact concerning ceramic changes. Later in the LBA in Andronovo time those links increased and became more stable.